

Ночь. Раскрытая постель — как теплая ванна. По коридору, стуча когтями, гуляет Чапа. За балконной дверью храп и стоны в открытых темных окнах. Вы спите.

Вы спите. У вас хороший сон для ваших сорока лет, нервов и болезней. Сегодня вы имеете квартиру в блочном доме, грязную одесскую зиму и созревающую грыжу. За тридцать лет вы смогли сделать то, что говорят, сделать невозможно — вы разучились ездить на велосипеде. У вас растет сын — бандит, а его маман имеет характер, достойный этой жизни. Денег у вас нет.

Проснитесь. Выйдите в коридор. Покурите в тишине. Съешьте на кухне белую горькую таблетку. Вернитесь в комнату, ложитесь, закрывайте глаза и слушайте меня снова:

"Вы живете в Одессе, в тихом облупленном дворе с тополями и голубятней..."

Обрывки строчек

* * *

...Ну как вам объяснить, что такое "эвфемизм"? Вот в строчке "вышли мы все из народа" слово "народ" — эвфемизм...

* * *

...Когда он понял, что ложиться спать нужно с красивыми, а просыпаться с добрыми, времени на сон уже не осталось...

* * *

...Фраза "первый и последний этажи не предлагать" осталась в социализме...

* * *

...В нашей жизни всегда есть место глупости. Например, древняя арабская глупость: прав тот, кто отвечает последним...

* * *

...Любовный треугольник: море любит сильных, а сильные любят поесть...

* * *

...Японцы уже изобрели прибор, который переводит лай собак. Сейчас работают над языком политиков...

* * *

...Он садился за компьютер с таким же видом, как Емельян Пугачев брал для чтения вслух свои указы...

* * *

...Оказалось, что выдавливать из себя демократа намного легче, чем раба...

* * *

...Путешествуя по Италии, главное не спутать Венецию с Винницей, карпаччо с гаспаччо, а их обоих с каприччио, скажем, Николо Паганини...

* * *

...Люди, обладающие умом, зарабатывают деньги. Люди, обладающие жестоким сердцем, зарабатывают много денег. Люди, совмещающие в себе эти два качества, зарабатывают очень много денег...

Эр рэт аф идиш

М. Ю.

Мои Фамилия имя и отчество: Срулевич Моисей Юделевич. Представляете, как это звучит для русского уха? И особенно если ты после школы попадаешь в погранвойска. Единственный еврейский юноша на весь округ. При переключке фамилия вызывала взрыв смеха. Старшина Войтенко выговаривал строю, что нехорошо смеяться над фамилией солдата... Срулевича (смех перерастал в гогот), и с удовольствием повторял ее снова (гомерический хохот).

Значительно позже я понял, почему меня с пятым пунктом призвали служить в ведомство КГБ: в 18 лет я имел 187 роста и 90 веса.

Загремел бы я в какую-то Коми АССР охранником в лагерь.

Спасло чистописание. Я был прирожденным каллиграфом. Вот такое редкое сочетание "Дяди Степы" и "Графа Мышкина". И тут я был нарасхват.

Оформлял красные уголки, выписывал удостоверения, грамоты...

Вскоре перевели меня из Измаила в Одессу.

Писал адреса в обком, в Киев и даже лично Андропову по случаю его шестидесятилетия.

Одесса! Почти три года беззаботной и неповторимой уже потом жизни.

Оставалось время и на море, и на танцы в парке Шевченко, и на театры, особенно оперетту.

В те годы был взлет славы Михаила Водяного.

А теперь — к чему веду рассказ.

Читаю на афишных тумбах: "Певица Нехама Лифшицайте. Еврейские песни". Мне, племяннику дяди Эзры Шварца, кантора нашей Джуриинской синагоги, да не пойти?! Когда еще выпадет такой шанс?

Отправляюсь за несколько дней до начала гастролей за билетом, а они все проданы.

Пришлось попросить моего начальника посодействовать.

— Заговорила родная кровь, Срулевич.

— Давно не слышал ничего на еврейском.

Позвонил он в филармонию. Представляю, какой там стоял переполох.

Билет, притом бесплатный, в центре первого ряда, ждал меня в кассе.

Выгладил я свою синюю форму (костюма ведь у меня не было), начистил до блеска ботинки, надраил на фуражке кокарду и отправился на концерт.

Такое собрание евреев я увидел впервые. И каких евреев!

Музыкантов в бабочках, художников с длинными волосами, старых меломанов с аккуратно подстриженными бородками.

А женщины!!!

Я среди всех выглядел "синей вороной".

Но передо мной расступались, шушукались за спиной, вымученно улыбались.

Соседка слева, дородная мадам с пенсне на носу, застыла, когда я сел рядом, и косила глазами не переставая. Сосед справа, старичок, опирался на палку с набалдашником в виде льва и раскланивался со многими: "Здравствуйте, добрый вечер, доброго здоровьечка!". Все обращались к нему: "Доктор Циклис!".

А завидя меня рядом, быстро-быстро ретировались. Он же, подняв высоко голову, смотрел на меня с удивлением.

Мое присутствие создало напряженное состояние в зале.

До меня доносилось:

— В зале кагебэшник.

— Он следит за доктором Циклисом.

Все взоры были обращены на меня.

Я почувствовал себя ништ гит.

Как разрядить обстановку? Не могу же я встать и сказать им, что я такой же еврей, как и вы, что я помню до сих пор песни на идиш, что я пришел насладиться музыкой.

Я попросил у соседки программку. Она неохотно протянула ее мне.

Я стал читать вслух: "Варныгкес", "Ломир зих ибербейтн", "Шир а гаширим"...

— Ир рэт аф идиш?

— Авадэ, конечно.

— Эр из а ид, эр рэт аф идиш! — крикнула она, вставая.

По залу от первого до последнего ряда прошла волна:

— Эр рэт аф идиш!

...Нехама Лифшицайте была на высоте в ударе. Пела она замечательно. Чистый голос, великолепное произношение, выразительные руки!

В перерыве меня затащили в буфет и накормили досыта — "голодненького, бедненького еврейского солдата".

После концерта доктор Циклис повел меня с собой за кулисы и поставил певице.

На сцене она казалась мне высокой, а здесь — красавица-подросток. Я попросил надписать открытку.

— Впервые вместо показаний даю чекисту автограф. Такое бывает
нор ин Адес, — пошутила она.

Полковник Булыгин спросил меня на следующий день:

— Ну, как тебе "Варнычкес"?

— Вкусные, товарищ полковник.

— Наши там были. Отчет имею. А что она написала тебе на открытке?

— "На добрую память, с любовью Нехама."

— Красавец (с ударением на последний слог), иди, пиши по-
здравление Шербицкому с присвоением ему звания Героя Социали-
стического Труда.

Такая была мелиха!

Чикаго

"Городок" — пятый угол

Власти, которые мы выбираем...

* * *

У губернатора берет интервью тележурналист.

Т. Господин губернатор, и последний вопрос. На чем вы хотите со-
средоточить внимание в вашей предвыборной кампании?

Г. На экологии. Я все время говорю, что с экологией надо что-то де-
лать. Здоровье жителей нашей области под угрозой! Во время социологи-
ческого опроса 80% людей заявило, что они страдают от слабоумия.

Т. Да, но они заявили, что они страдают от вашего слабоумия...

* * *

Мэр и корреспондент с микрофоном.

К. А сейчас мы в гостях в городе Грязнопрудном. Мы беседуем с мэ-
ром города Грязнопрудного господином Петрищевым. Мы знаем, что вы
очень заботитесь об экологии вашего родного города.

М. А как же! Как грится, забота у нас такая, и нету других забот!

К. Мы слышали, например, что вы приложили много усилий для
улучшения качества воды.

М. Это вообще в первую очередь! Год назад мы провели анализ во-
ды, и оказалось, что в ней 157 вредных бактерий и 5 смертельных! Поэто-
му мы стали добавлять по 100 килограммов хлорки на тонну воды!

К. Неужели 100 килограммов?!

М. Да первое время мы вообще по 200 сыпали! Потому что для меня
здоровье граждан — первое дело! Но вот уже два дня, как мы перестали до-
бавлять хлорку вообще!

К. Поздравляю! (*Берет стакан, нюхает и пьет воду.*) Действитель-
но, нет никакой хлорки!

М. Конечно, нет! Она у нас уже два дня как кончилась!

* * *

*Театральная ложа. Слышны три звонка, шум собирающегося зала, на-
стройка оркестра. В ложе появляются и садятся двое солидных мужчин.*

1-й (тоскливо). Господи, как я ненавижу оперу!